

Совсем недавно, говоря о том, что может сделать новая общественная организация — Всесоюзное музыкальное общество — в воспитании молодежи, Андрей Павлович писал в «Правде»: «Представим себе, что было бы, если бы наш досуг был заполнен только легким чтением или просмотром кинокомедий. Может ли истинно интеллигентный человек (а это понятие, как известно, не обязательно связано с высшим образованием или профессией) не знать Шекспира, Пушкина, Толстого, Достоевского? А ведь сегодня из жизни очень большого числа людей начисто исключены народное искусство, шедевры мирового искусства, в том числе и музыкального». Итак, среди контрдоводов сторонникам развлекательной музыки, которая, по их мнению, преимущественно и должна заполнять досуг молодежи, на первое место в воспитании композитор поставил литературу...

— В детстве я всерьез хотел стать писателем. Даже сам выпускал журнал «Бегемот». Там было все: статьи, в том числе и передовицы, роман с продолжением, отдел юмора, стихи — кстати, они давались мне труднее всего. Естественно, это было сплошное подражание. Моя тогдашняя «творческая индивидуальность» выражалась только в том, что все было начато, но не окончено. А случился такой сочинительский взрыв из-за того, что одиннадцатилетним мальчиком я три года практически жил среди моря книг — в библиотеке...

Вот с такого признания началась наша беседа с композитором.

Мне не раз приходилось задавать многим и разным людям вопрос о роли книги в их жизни. Но, признаться, рассказ Андрея Павловича произвел впечатление куда более сильное и неожиданное, чем все слышанные до того откровения. То, что он вспоминал, далеко выходило за рамки его собственной судьбы и само было книгой — увы, не написанной! — ценнейшей, исторической.

Дело в том, что те три года, о которых он говорил, были годами эвакуации во время Великой Отечественной войны. И библиотека, где многие часы и дни проводил мальчик, находилась в Ленинске-Кузнецком под Кемеровом, а директором ее стала тетя Андрея Петрова, сотрудница Эрмитажа. Покидая родной город, ленинградцы везли с собой на восток прежде всего духовный багаж, чтобы продолжить — несмотря ни на что! — служение Отечеству, которое всегда составляло для русской интеллигенции суть понятий «жить», «существовать». Эвакуированные тут же организовали и музыкальную школу, где по классу скрипки занимался и Андрей Петров. Представьте: враг под Ленинградом, а ленинградцы вдали от родного дома «культивируют» культуру, создают атмосферу для активного творчества подрастающего поколения! Юрий Левитан, обещавший метрополитену сухости голоса, читает суровую сводку Совинформбюро, но дети не прекращают заниматься сольфеджио, читать книги, мечтать...

— Я читал все подряд: прозу Лермонтова, «Капитал» Маркса, «Нана» Золя, исторические труды Тарле... Страшно увлекся Александром Гринем. За те три года прочел столько, сколько не прочитывал и за десяток лет впоследствии...

И так было со многими и многими его сверстниками, кого с годами стали называть «дети войны». Книжки не ограждали их от грозных

моя «Патетическая поэма», посвященная В. И. Ленину, на стихи Бориса Пастернака, Валерия Брюсова, Андрея Вознесенского, Леонида Мартынова.

Но главное, замечу от себя, книги научили Андрея Петрова мыслить и чувствовать пространственно, воспринимать время и события в диалектической связи, когда сюжеты и образы героев становятся поводом к мировоззренческому диалогу с современниками. Ведь не случайно почти вся музыка, написанная им, это как бы музыкальное осмысление прочитанного: балеты «Пушкин», «Станционный смот-

парадоксальности музыкально-театрального мышления. Цель, которую я ставил перед собой как композитор, — раскрыть в музыке напряженный динамизм идейно-художественных поисков Маяковского. Это спектакль о становлении личности поэта...

И вновь композитор обратился к литературным источникам: внутренний спор философских, нравственных позиций, переживаемый поэтом, выражается через «внешний», сценический спор с Гамлетом, Раскольниковым, Дон Кихотом. Каждый из них представляет символ определенного мировоззрен-

еще одна тема — о работе композитора для кино.

— Работа над фильмами — это, как правило, сотрудничество с поэтами. Это новая задача, новая трудность. Я люблю стихи Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко — близкого мне поколения современных поэтов. С Евтушенко было сотрудничество в работе над спектаклем о Тиле Уленшпигеле. Тоже, как видите, в основе — литературная классика. Но все же чаще приходится писать музыку к фильмам на современные сюжеты и встречаться с самыми разными поэтами. В таких случаях я стараюсь сотрудничать с теми, кому особенно близка тема фильма. Ну, к примеру, помните песню «Если радость на всех одна...» из кинофильма «Путь к причалу»? Это фильм о моряках, и автор стихов Григорий Поженян — сам бывший моряк. Может быть, оттого и песня стала популярной, зажила своей жизнью. Или «А я иду, шагаю по Москве...». Слова этой песни к одноименному фильму написал Геннадий Шпаликов, он же — автор сценария. Это его тема, его образы, настроение...

Наша встреча с композитором проходила незадолго до премьеры музыкального спектакля «О бедном гусаре замолвите слово», который был сделан Андреем Петровым на основе одноименного телевизионного фильма Эльдара Рязанова. То, что известный композитор и известный кинорежиссер не смогли расстаться с сюжетом, который по существу не что иное, как веселое сочинение на историческую тему, само собой убеждало, что авторы (а среди них еще и Григорий Горин) не только люди жизнелюбивые, но и начитанные.

— Андрей Павлович, признайтесь, было у вас когда-нибудь искушение писать прозу, как тогда, в детстве, когда вы даже хотели стать писателем?

— Нет, не было. Порой только свои музыкальные произведения я предвещал краткими вступлениями. Нечто вроде стихотворений в прозе. На первой странице партитуры «Поэмы памяти павших в дни блокады Ленинграда» я написал: «...Немало лет прошло с суровых лет блокады Ленинграда, и кажется, что сейчас уже ничто не напоминает об этом. Но стоит перелистать стихи тех времен Ольги Берггольц или очутиться среди скорбных скульптур Пискаревского кладбища, как перед глазами встает драматическая картина сражающегося города. Пройдут десятилетия. Люди узнают новые планеты и навсегда простятся с войнами. Но никогда из их сознания не исчезнет память о подвиге города, подвиге, превратившемся в вечную легенду о стойкости человеческого духа»... Потом эти строчки стали помещать в программы концертов, в которых исполнялась «Поэма».

...Несколько строк, написанных через два десятилетия после окончания войны ленинградским юношей, ставшим одним из любимых отечественных композиторов, — это тоже книга!

Беседу вела
Т. ОРЛОВСКАЯ.
Ленинград.

Фото В. ЯКУБОВА.

ДИАЛОГИ

Беседа
с народным
артистом СССР,
лауреатом
Государственной
премии СССР
композитором
Андреем
ПЕТРОВЫМ

О МУЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

событий, но были опорой; не отделяли от мира, а, наоборот, вселяли в них мир, прочувствованный и осмысленный лучшими из представителей рода человеческого. Крепла вера в неразрушимость добра, исторический оптимизм и желание продолжить дела и открытия предшествующих поколений. И, конечно, сказать свое слово.

— Да, эта возможность постоянно общаться с книгой оставила след на всю жизнь, — продолжает Андрей Павлович. — Литературные увлечения оказали сильное влияние и на мою композиторскую судьбу. Наверное, слово «увлечения» будет неточным. Литература — это постоянный источник тем, сюжетов, идей, образов. И не только для опер или балетов, но и для симфонических произведений тоже. Скажем, симфонический цикл «Песни наших дней» имеет название частей — о весне, о праздниках, о войне, о детстве. И каждой из них предпослан стихотворный эпитаф — из Александра Твардовского или Михаила Светлова, Эдуарда Межелайтиса или Александра Прокофьева... Или

«Сотворение мира» (в основе книга рисунков Жана Эффеля), опера «Петр I», симфоническая поэма «Радда и Лойко», фантастическая симфония «Мастер и Маргарита», наконец, опера «Маяковский начинается»...

Об этой опере хотелось расспросить подробнее — она была воспринята поразному, вокруг нее разгорелись споры. Как относится к этому сам автор?

— Я хотел написать оперное произведение о личности выдающейся. За исходный вариант сюжета была взята пьеса Марка Розовского, позднее (уже после премьеры оперы) поставленная на малой сцене Театра имени В. В. Маяковского в Москве. Называлась она «Высокий». Меня привлекла в ней необычность художественного замысла, смелость фантазии, которая давала возможность сделать и оперный спектакль нетрадиционным — расширить возможности жанра, приблизить его к интересам современного зрителя. Сама личность поэта, его новаторское искусство требовали и от музыкального спектакля творческой необычности, даже

ческого направления. Гамлетовская растерянность, раскольниковский протест и великое донкихотство помогали автору строить драматургию главного образа, а значит, и своего композиторского монолога, обращенного к современникам. «Я говорю на музыкальном языке, потому что мне всегда есть, что сказать», — писал Петр Ильич Чайковский, считавший, что музыка начинается там, где кончаются выразительные возможности слова. Взаимосвязь музыкального языка Андрея Петрова с литературой — это традиция, идущая именно от Чайковского.

— А ваш любимый писатель? — спрашиваю Андрея Павловича.

Он отвечает, не задумываясь, почти категорично: — Пушкин.

Потом была пауза, глубокая, насыщенная содержанием, которое нельзя, да и невозможно выразить словами. Наверное, это и была та самая граница, которая разделяет слово и музыку.

— Написал музыку к фильму «Последняя дорога» — о Пушкине, — заключил он. Так вошла в нашу беседу

ЧИТАТЕЛИ О КНИГЕ

ВСТРЕЧ С МУЗЫКОЙ

Работа В. Юзефовича «Давид Ойстрах» посвящена великому скрипачу, имя которого известно всему миру. Книга захватывающая, богатая по материалу.

Ойстрах обогащает музыкальную культуру своим

вдохновенным трудом. Помню тяжелые годы прошлой войны. Не приходилось, кстати, лично видеть и слышать игру Д. Ойстраха в прифронтовых частях, но мы, войны, рады были, когда в часы отдыха слушали по радио му-

зыкальные произведения в его исполнении.

После войны я писал музыканту о восхищении его творчеством, а в 1968 году, когда отмечали 60-летие со дня рождения Д. Ойстраха, я поздравил его с днем рожде-

ния. Он подарил мне свой портрет с автографом, который храню в семейном архиве среди памятных автографов от других деятелей музыкальной культуры.

П. ДУБИНКА.
г. Жданов.